

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64

THE "CONCEPT - IMAGE - MOTIVE" TRIAD IN ARAB-AMERICAN FICTION LITERATURE

Maria A. Dubovitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. Arab-American multicultural, or cross-cultural, literature related to different time periods is closely examined in the article. These writings are part of borderline literature due to the fact that the central theme in them is the theme of dual (transitional) identity. The author provides a definition of "liminality", which is necessary when considering the phenomena of bilingualism and biculturalism. The relevance of the study is due to the growing interest in emigrant literature as a source of meanings scattered in the text, contributing to the understanding of the social and cultural context. The motive, image and the concept are singled out in the works of Arab-American literature to decode hidden meanings. The results of the analysis of the main motives, taken in diachrony, are presented, and their similarities and differences are revealed. The fact that the same motives, for example, the motives of nature and music, are found in completely different works, speaks of their semantic, cultural and literary significance. The novelty of the research is seen in the combination of linguo-literary and linguo-stylistic methods in the analysis of linguistic material, which helps to identify psychological, cultural and social aspects in the Arab-American fiction discourse.

Key Words: motive, the concept in literature, image, borderline literature, transitional identity, liminality, cross-cultural Arab-American literary discourse

For citation: Dubovitskaya M.A. (2021). The "Concept – Image – Motive" Triad in Arab-American Fiction Literature. *Philology at MGIMO*, *7*(*3*), pp. 53–64. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64

ТРИАДА «КОНЦЕПТ – ОБРАЗ – МОТИВ» В АРАБО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.А. Дубовицкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматриваются произведения арабо-американской мультикультурной, или кросс-культурной, литературы, относящиеся к разным временным отрезкам. Данные произведения являются частью пограничной литературы в силу того, что центральной темой выступает тема двойственной (переходной) идентичности. Автором приводится определение «лиминальности», которое необходимо при рассмотрении явлений билингвальности и бикультурализма. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к эмигрантской литературе в США в силу расового и этнического многообразия этой страны и, следовательно, сложного социального и культурного контекста, требующего интерпретации и анализа. Для поиска и декодирования скрытых смыслов и подтекста предлагается выделение мотива, образа и художественного концепта. Представлены результаты анализа основных мотивов, взятых в диахронии, и выявлены их сходства и различия. Мотив соотносится с образом и концептом как часть и целое. Концепт является смысловой доминантой, охватывающей социальный, культурный и исторический аспекты. Образ является литературным художественным средством отражения концепта, в то время как мотив соотносит его с эмоционально-чувственной стороной героя или автора. Тот факт, что одни и те же образы, например, образы природы и музыки, встречаются в произведениях разных авторов, говорит об их смысловой, культурологической и литературной значимости. Новизна исследования видится в совмещении лингволитературных и лингвостилистических методов при анализе языкового материала, что помогает выявить психологические, культурные и социальные аспекты в арабо-американском художественном дискурсе.

Ключевые слова: мотив, художественный концепт, образ, пограничная литература, переходная идентичность, лиминальность, кросс-культурный арабо-американский художественный дискурс

Для цитирования: Дубовицкая М.А. (2021). Триада «концепт – образ – мотив» в арабоамериканской литературе. *Филологические науки в МГИМО.* 7(3), С. 53–64. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64

1. Введение

В связи с усложнением социокультурной реальности вопрос идентичности становится острым на фоне расового и этнического многообразия. Возникает потребность рассмотреть взаимодействие языка, культуры и идентичности для выявления общих тенденций развития культуры. Арабо-американский литературный дискурс является примером кросскультурного перекрёстка ценностей и взглядов, отражающихся в различных формах вербального и невербального взаимодействия. Исследование языка и литературы требует поиск такого подхода, который позволит выйти на лингволитературный стык формы и содержания.

Для исследования художественного литературного дискурса применимы методы анализа художественного текста: метод выборочного анализа и объяснения индивидуально-авторских языковых особенностей, стилистический анализ, индуктивный метод, сравнительно-сопоставительный метод. Для выявления более общего смыслового пласта необходим концептуальный анализ в диахронии, чтобы выявить произошедшие изменения. В художественном тексте образы и мотивы часто группируются вместе с общим художественным концептом, что делает анализ не только лингвистическим, но и литературоведческим.

В художественных произведениях образ и мотив позволяют приблизиться к философско-символическим доминантам в тексте, служащим триггерами в осмыслении интеллектуальной жизни иммигранта, его самоидентификации и образа себя (автообраза). Участки текста с мотивами и образами являются максимально насыщенными с точки зрения психологических, социальных и культурных импликаций.

Для языкового и художественного анализов были выбраны художественные тексты начала XX века (Амин ар-Рейхани «Книга Халида» 1911, Джебран Халиль Джебран «Иисус Христос-Сын Человеческий» 1928) и произведения современной мультикультурной литературы (Хишам Матар «Анатомия исчезновения» 2011, «В мире мужчин» 2006; Диана Абу-Джабер «Аравийский джаз» 1993, Лайла Лалами «Надежда и другие опасные занятия» 2005). Разный временной отрезок даёт возможность проследить изменение образов и мотивов в составе художественного концепта путь, который присутствует во всех перечисленных романах. Эти произведения отличаются друг от друга стилями, эмоциональной насыщенностью, темами, однако их объединяют выражение тревоги и экзистенциальная потребность понимания своего места и принадлежности в постоянном потоке внешних и внутренних изменений, что, конечно, свойственно темам кросс-культурной литературы, где герои часто оторваны от своего мира и в то же время не могут полностью принадлежать новому для них миру.

2. Особенности арабо-американского литературного дискурса

Арабо-американский литературный дискурс представляет собой огромный массив художественной литературы, написанной на английском языке авторами-выходцами из арабских стран или имеющими арабские корни. Данные тексты относят к «литературе, написанной через дефис» (hyphen literature), а её представителям, американским авторам, не утратившим своих корней, приписывают переходную идентичность (hyphenated identity). Говоря о пограничной литературе, мы имеем в виду писателей или литературных героев, которые находятся между двух миров или одновременно в обоих сразу, если они иммигранты первого или второго поколений. Однако даже если они родились уже в другой стране, проблемы ассимиляции их могут коснуться на более тонких уровнях восприятия. Здесь необходимо затронуть тему лиминальности как социального, культурного и психологического феномена.

Феномен лиминальности был широко исследован Арнольдом ван Геннепом [5] и Виктором Тернером [23]. Под «лиминальностью» понимается нестабильность, переходное состояние, в результате которого образуется новое состояние, отличное от прежнего. Тернер делал акцент не на результате переходной фазы, а на процессе, подчёркивая, что лиминальная фаза может стать стилем жизни, неким состоянием. Лиминальная фаза как состояние характерна для носителей двух и более культур и языков, которые имеют более широкий потенциал к расширенному восприятию действительности и большую свободу в суждениях и оценках. Это психологическое раскрепощение сопровождается широким диапазоном средств выражения мыслей и идей, взятых из разных культур. Нахождение между двух культур запускает процесс самоанализа и осмысления, познания и обретения себя заново, в результате чего происходит обогащение идентичности.

Острая потребность в осмыслении окружающей действительности и нахождении себя в преобладающем культурном контексте подталкивает представителей литературной элиты, находящихся на стыке культур, в художественных произведениях выразить свой опыт и чувства как обладателей «двойного сознания». В 1903 году Уильям Эдвард Буркхардт Дюбуа, прозаик, социолог и публицист, обосновал понятие «двойное сознание» в своей книге «Души чёрных людей». У. Дюбуа писал о пожизненном восприятии себя через призму других, в том случае если ты относишься к меньшинству или твоё положение можно назвать ущемлённым. Выходец из интеллигентной негритянской семьи, обладатель прекрасного образования и энциклопедических знаний, в своей книге У. Дюбуа точно отразил ощущение двойственной идентичности, – «белого и чёрного, две души, два образа мыслей и устремлений, два идеала, – всё в единстве и противоречии одновременно» [17, с. 57].

В статье Netting the Clouds Диана Абу-Джабер, писательница с иорданскими корнями, выразила ощущения, схожие с теми, что описываются в теории «двойного сознания» У. Дюбуа и лиминальности В. Тернера. Она пишет о невозможности отнести себя к одному или другому полюсу, о постоянной рефлексии о том, кто ты есть и как тебя видят другие, а также о сложности описания уникальности этнокультурного опыта [15].

В пограничной литературе, таким образом, главной темой выступает идентичность, или её

поиск, а также стремление описать и осознать свой уникальный опыт, - это и есть главная движущая сила произведения, от которой исходят лучи в разные направления. Язык описания своего уникального жизненного пути может многое сказать о самоощущении автора, его представлении о той среде, в которой он живёт, и людях, с которыми он взаимодействует. Особенно красочную картину контрастов видения и взглядов можно получить в результате диахронического сравнения образов, метафор и концептов. Безусловно, различия в выборе художественных средств могут быть продиктованы временем и веянием стилей, однако если брать за основу единый концепт, схожие образы, мотивы и символы в разных произведениях в рамках одного дискурса, то можно увидеть определённые узловые точки тектоники «смысловых плит». Для дальнейшего анализа мы берём некоторые произведения арабо-американских писателей первой половины ХХ века и романы рубежа XX и XXI веков. Первыми яркими представителями арабо-американской литературы были Джебран Халиль Джебран и Амин ар-Рейхани, их по праву можно назвать космополитами и мигрантами не только в жизни, но и в литературе. В своих произведениях они переплели европейский визионерский романтизм и суфийскую мудрость, иными словами, обратились к Западу на понятном читателю языке, однако с привлекательным восточным колоритом. Халиль Джебран считается классиком литературы в США и изучается в рамках учебной программы, на его стихи сочиняют музыку.

Современные признанные арабо-американские писатели, по большей части, родились или учились в США, английский язык для них родной или же они владеют им наравне с арабским. Можно предположить, что всплеск литературного творчества среди американских писателей арабского происхождения случился некоторое время спустя после трагедии одиннадцатого сентября, который объясняется острой потребностью выразить своё несогласие с политической пропагандой и общественным мнением. В 2006 году была учреждена арабская американская книжная премия, а в 2010 году была основана театральная организация (Noor Theatre Company), продюсирующая работы американцев с ближневосточными корнями. Авторы произведений, которые были выбраны для анализа, являются признанными литераторами. Дебютный роман Хишама Матара «В стране мужчин» ("In the Country of Men, 2006) вошёл в шорт-лист Букеровской премии в 2006 году, а в 2007 году писатель был удостоен Пулитцеровской премии. Диана Абу-Джабер является профессором Портлэндского университета и преподаёт литературное мастерство. Главными темами её книг являются культура и идентичность. Лайла Лалами, американская журналистка и писательница американского происхождения, тоже преподаёт литературное мастерство в Калифорнийском университете, а в 2015 году она стала финалистом Пулитцеровской премии в области литературы за лучшее произведение художественной прозы. Произведения этих писателей, как и многих других американских писателей с арабскими корнями, занимают важное место в литературе США, они также являются частью мировой литературы в силу того, что английский язык предопределяет широкое распространение книг и охват читателей во всём мире. В то же самое время мы можем говорить о том, что они образуют свой дискурс с особой семантикой и лексикой. В текстах произведений есть вкрапления иноязычных слов и аллюзии к литературным, географическим и историческим понятиям. На художественно-смысловом уровне в дискурсе присутствуют определённые смысловые доминанты, объединяющие разные по тематике и стилю произведения. Для нахождения и декодирования смыслов художественного текста необходимо объединить литературные и лингвистические методы, о которых речь пойдет ниже.

3. Литературный мотив и концепт

Художественный текст является богатым источником для исследования и анализа культурного, исторического, психологического и социального аспектов, так как художественное произведение обращено одновременно вовне и внутрь. Вовне текст связан с концептуальной сферой, где находятся основополагающие концепты. Согласно С.Г. Воркачёву, «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, с. 64]. Концепт живёт над текстом,

однако в то же самое время сам текст может выразить эти концепты с помощью ассоциаций и мотивов, способных привносить новые смыслы и оттенки. Литературное произведение вмещает концепт и мотив, однако способы реализации и функции у каждого свои. Важная черта мотива – ассоциативность, объясняющая его эффективность в плане интерпретации. Мотивы и мотивные ассоциации дают необходимый художественный и смысловой импульс. Традиция исследования мотива как литературного феномена насчитывает немало десятилетий. Теоретические основы мотива были заложены А. Н. Веселовским [2] и предполагают архаизацию, типологизацию и сюжетную неразложимость, что породило много вопросов и вызвало немало дискуссий. Семантический подход к изучению мотива А.Н. Веселовского был дополнен структурным подходом, представленным В.Я. Проппом [12]. По мнению учёного, мотив состоит из частей, которые могут заменяться другими вариантами. Аспект интертекстуальности мотива был привнесён А. К. Жолковским и Ю. К. Щегловым, которые указали на наличие вариантов мотива в разных произведениях одного автора [7]. Эта концепция также предполагает, что мотив связан с сюжетом, однако не напрямую, а опосредованно, мотив является выразительным откликом темы и сюжета. Б.М. Гаспаров не привязывает к мотиву конкретные единицы с предикативными компонентами, считая, что мотивом может стать «любое смысловое "пятно" – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесённое слово, краска, звук и так далее [4, с. 30]. Б. И. Ярхо привязывает мотив непосредственно к образу и отмечает, что мотив является образом в действии [14]. С.Ю. Неклюдов отмечает огромное разнообразие мотивов (мотивы-действия, мотивы-эпизоды, мотивы-чувства) и их многоплановость (глубинные и поверхностные) [10]. В.Е. Хализиев говорит о том, что в художественном тексте мотив является «компонентом произведений, обладающим повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [13]. Как упоминалось ранее, мотив может выступать ассоциативно-чувственной интерпретацией концепта, который существует над текстом. Таким надтекстовым концептом в арабо-американской литературе является концепт ПУТЬ. Мотивы-чувства являются эмоциональным выражением концепта. Переплетаясь с образами и символами, мотивы наполняют концепт новыми оттенками. Повторяемость мотива в произведениях разных авторов на протяжении какого-то времени говорит об универсальности в восприятии и оценке окружающей действительности. Сопоставление мотивов даёт понимание произошедших изменений за определённый отрезок времени, а также переживаний и тревог. Например, мотивы радости и трепета в образах природы в произведениях первой половины XX века сменились мотивами тоски, потерянности и грусти, что можно объяснить как социокультурными и политическими изменениями в жизни эмигрантов, так и внутренними психологическими причинами, которые, безусловно связаны с внешним контекстом.

4. Образ и символ

Мотив необходимо анализировать с понятием образа, так как в данном исследовании он соотносится с образом как частное с общим. Мотив связан с образом, является его частью и помогает глубже понять смысл произведения. Образ как нечто отвлечённое, охватывающее класс предметов или признаков, бытует в сознании или воображении. Он соседствует с ассоциациями и представлениями, а значит живёт в области психологии. Н.Д. Арутюнова отмечает стихийность и спонтанность возникновения образов, их непроизвольный характер [1]. Образ часто включает в себя символы.

XX век дал понимание символа как глубинного смысла, архетипа, как чего-то, о чём нельзя сказать, но что незримо присутствует. Обращение к символу является больше непроизвольным актом, чем осознанным. Это конденсат смысла, который декодируется с помощью интерпретации и анализа. Э. Кассирер отмечает универсальность, подвижность и изменчивость смысла. Символ играет важную роль в структурировании опыта человека [8]. Символ – это закодированный смысл, характеристиками которого являются многослойность и комплексность. Символ создан для интерпретации, ему необходим контекст и фон. Символ и образ могут появляться вместе – тогда образ служит богатым фоном и насыщенным контекстом для символа, но могут появляться

отдельно в разных контекстах и отрывках. В сравнении с символом образ не такой конденсированный и сжатый, он описательный, даёт картину для декодирования смыслов. Образ – это отражение действительности, преломлённое в сознании, он психологичен по своей природе. По мнению П.В. Палиевского, образ является особой художественной функцией, где переплетаются конкретно-чувственные детали [11].

Анализ образов и символов является ключом к пониманию сюжета, контекста и внеконтекстной информации. Художественность, символичность и психологичность образов являются неотъемлемой частью ментальной сферы, где «мысль не отделена от эмоций, латентных привычек и приёмов сознания» [9]. Основными образами в анализируемых произведениях являются образ природы и образ музыки. В образе природы главным символом является символ моря, а в образе музыки мы встречаем символ лютни в произведении «Книга Халида» и символ барабана в произведении «Аравийский джаз».

5. Образ-концепт-мотив как метод анализа культурного и психологического фона в литературном творчестве арабо-американской интеллигенции

Вне зависимости от интенции автора образы и мотивы в литературном творчестве играют важную роль при анализе текста и его интерпретации, так как природа художественных средств текста во многом психологична, то есть необязательно зависит от воли автора. Они вбирают в себя эмоциональный, культурный, психологический, философский и исторический аспекты, способствующие общему пониманию фона художественного произведения и мироощущения автора. Однако образ необходимо рассматривать наряду с художественным концептом. «Художественный концепт предстаёт наиболее полным, богатым и наполненным смыслом образованием, одновременно генерализирующим весь имеющийся опыт и выражающим персонализированную точку зрения определённого временного среза эпохи. Художественный концепт является авторской единицей сознания, выведенной из общей коллективной культурной целостности с отсылкой на духовные и культурные ценности, представленные в семантическом пространстве языка, и представляет собой персонализированные элементы архетипичного образа» [6 с. 74]. Концепт обязательно присутствует в тексте напрямую или имплицитно. Рассмотрение связки образ - концепт - мотив как литературный метод и анализ художественных языковых средств как лингвистический метод помогут выявить некоторые сдвиги в их мышлении и ощущении на примере художественных текстов арабо-американских писателей первой половины XX и начала XXI века. В кросс-культурной, или мультикультурной, литературе соединение литературного и лингвистического подходов поможет выйти на новый уровень понимания общекультурного и субкультурного. Даже малые изменения в художественном концепте даёт импульс к новому в образах, что в последующем отражается в мотивах. Анализ языковых художественных средств позволяет рассмотреть изменения в образном и концептуальном отношениях.

В англо-арабской художественной литературе основополагающим художественным концептом является *ПУТЬ*. Нужно признать, что этот концепт не является прерогативой мультикультурной литературы, он универсальный и архетипичный, однако бесспорно, что именно в кросскультурной литературе он обретает особое значение, перекликаясь с темами идентичности и аккультурации, сегрегации и отчуждения. У этого концепта широкая семантика: путь, или путешествие в прямом смысле, и путь как духовный поиск. В тексте данный концепт эксплицитно выражен следующими словами-номинантами: travel, journey, high road. Имплицитно концепт передаётся через основные образы, в нашем случае, образ природы и музыки. Если взять произведения арабо-американской литературы двух временных срезов — первой половины XX и первой четверти XXI века, то заметны изменения в художественном концепте и мотивах.

Для анализа были выбраны произведения двух представителей арабо-американской литературы первой половины XX века, Амина ар-Рейхани и Джебрана Халиля Джебрана, и современные произведения писателей арабского происхождения — Хишама Ма-

тара, Лайлы Лалами и Диана Абу-Джабер. На примере романов этих писателей можно увидеть, что один и тот же концепт выражается разными образами и сопровождается разными мотивами.

У ливанского писателя Ameen Rihani (1876–1960) можно проследить реализацию концепта ПУТЬ в тексте через образ природы и музыки. Он родился на территории Османской Сирии, ныне Ливан, в семье землевладельца и коммерсанта, учился в Колумбийском университете и писал на арабском и английском языках. По духу и образованию он приобщился к двум противоположным полюсам – Востоку и Западу – и пропагандировал совместный путь и развитие. Образ природы обладает важным смыслом – связью с местом, перемещением и нахождением себя в другом пространстве. Этот образ является неотъемлемой частью концепта ПУТЬ. Важным компонентом здесь является символ моря, он связывает исходную и конечную точку путешествия, а также даёт мотивам выражение надежды и предвкушения: "... dreamt of adventures, of long journeys across the desert or across the sea; yearned for what was beyond, above or below, the visible line on the high sea of hope and joy they sail; under the Favonian wind of enthusiasm, on the friendly billows of boyish dreams" they roll the rolling waves of life [22 с. 29]. /... мечтал о приключениях, длительных путешествиях по пустыням и морям; стремился к недостижимому, уплыть в далёкую даль за линию горизонта, в море надежды и радости; подгоняемые благоприятным западным ветром, вселяющим бодрость, они плывут по морю жизни, купаясь в волнах мальчишеских мечтаний (здесь и далее перевод мой – М.Д.).

Метафоризация моря создаёт концептуальную рамку, в которой проявляются ментальные репрезентации индивида.

Благоговейное и мистическое ощущение природы встречается и у Kahlil Gibran (1883–1931). Его роднит с Рейхани место рождения и философские взгляды. Его можно назвать космополитом, вобравшим в себя культуры Запада Европы и Востока. В концепте ПУТЬ у Джебрана присутствует духовная составляющая общей мировой религии, поэтому путь является дорогой от себя и к себе, процесс познания внутреннего и внешнего: "He was a stranger, a wayfarer on His way to a shrine...". Символ моря и образ природы участвуют в построении метафор: "And the voice of the sea was in those two words, and the voice of the wind and the trees... And your laughter like the waves of the white sea" [18, с. 175]. / Он был путником, странником на пути к своему храму...В этих словах слышался голос моря, ветра и деревьев... И твой смех, точно шум белого моря. /

Здесь основной концепт разворачивается с помощью образа природы, символа моря и мотивов духовности и свежести.

У современных писателей море также участвует в построении образа природы, однако символика моря претерпевает огромные изменения, вызывая мотивы тревоги, волнения, тоски, печали и отчаяния: "The waves are inky black, except for hints of foam here and there, glistening white under the moon, like tombstones in a dark cemetery" [19, с. 2]. / Волны были чернильно-чёрного цвета, лишь пена кое-где отсвечивала лунным блеском, белела точно надгробия в кладбищенской темноте. / Ассоциативный ряд чёрного, надгробий и мрачного кладбища в составе образной метафоры не оставляет сомнений в безысходности пути и его несчастливом исходе. В рассказах Laila Lalami [19], родившейся и выросшей в Марокко, море неразрывно связано с трагизмом и гибелью, так как многие беженцы бесславно завершили свой путь в море в поисках лучшей жизни.

У британо-ливанского писателя американского происхождения Hisham Matar [20] море участвует в ночных кошмарах и внутренних страхах главного героя-мальчика, символизируя ужас потери близкого человека и невозможность изменить судьбу, повернуть вспять колесо государственной машины, которая поражает несогласных и инакомыслящих, что, конечно, можно объяснить состраданием к ливийцам и сопричастностью к происходящим событиям: "That night I dreamed of Baba floating on the sea. The water was unsettled, moving as it does in the deep, rising and falling in hills. He lay on his back. He looked like a small fishing boat trying to surrender to the sea. I was there too, working hard to keep my shoulders above water, to not lose sight of him, but the sea rose, and he vanished from view. I kept swimming. I knew I was close. Then I saw him, wooden and stiff. When I reached out to touch him, he turned into a fish, agile and shy. He plunged with a splash down and away. I could see

Том 7. № 3

his silver spine flicker below the water. I turned around and saw no shore to turn to" [20, c. 83]. / В ту ночь мне приснился папа в море. Вода была неспокойная, прибывающая и убывающая, плещущаяся о склоны. Он лежал на спине, выглядел, точно маленькая рыбацкая лодка, покорная морю и судьбе. Я тоже там был, старался грести как можно сильнее и задирал голову повыше, чтобы не упустить его из виду, но море поднялось, и он исчез с горизонта. Я продолжал плыть, зная, что он где-то поблизости, как вдруг я увидел его неестественно недвижимым. Я протянул руку, чтобы дотронуться до него, но он тут же обратился в рыбу ловкую и осторожную, нырнул и уплыл. Время от времени я мог ухватить взглядом очертания его спины под водой. Вдруг берег пропал из виду, и мне некуда уже было плыть. /

Олицетворение моря, его безграничность и всемогущество противопоставляется ветхому судёнышку и маленькому человеку, однако символ рыбы, богатый на культурные и религиозные трактовки, здесь, безусловно, является антиподом тёмного и властного, а именно живая и робкая рыбка способна перехитрить стихию и укрыться от бури.

Концепт ПУТЬ также резко претерпел изменения: от воодушевляющего пути внутреннего и внешнего преображения, переосмысления и духовного перерождения – к пустоте и иллюзорности окружающего. Так, у Амина ар-Рейхани мы встречаем идиллическое представление предстоящего пути: "On the high road of the universal spirit the world, the whole world before me, thrilling and radiating, chanting of freedom, faith, hope, health and power, and joy [22, c. 225]. / По дороге вселенского духа, передо мной весь мир, захватывающий и сияющий, провозглашающий веру, надежду, здоровье, силу и радость. /

Здесь мотивы надежды, веры, энергии и радости сопровождают путника в дороге, который не видит границ между нациями и культурами, а лишь только общую цель и желание единства и свободы для всех. Эпитеты и метафора жизненного пути на стилистическом уровне показывают ментальные установки главного героя.

В произведениях же Hisham Matar путешествие связано с мотивами тоски и потери: "Egypt has not replaced Libya. Instead, there is this void, this emptiness I am trying to get at like someone frightened of the dark, searching for a match to strike. I see it in others, this emptiness... How readily and thinly we procure these fictional selves, deceiving the world and what we might have become if only we hadn't got in the way, if only we had waited to see what might have become of us" [20, c. 233]. / Египет не заменил Ливию. Здесь присутствует некая пустота, которую я стараюсь понять, как будто в темноте ищу спичку, чтобы спастись от страха и увидеть хоть что-то. ... Как скоро и умело мы придумываем себе роли, обманывая остальных, кем бы мы могли стать, не случись того, что случилось, подождав ещё немного.

Концепт ΠYTb приобретает обездвиживающую пустоту с помощью синонимов *void* и *emptiness*, а метафорическое сравнение с человеком, ищущим хоть спичку, чтобы осветить путь, добавляет безысходность и растерянность.

В другом романе Хишама Матара "Anatomy of a Disappearance" (2005) вынужденный переезд ассоциируется с тоской по близкому человеку: "We landed in Cairo in the early morning. The damp tarmac shone under the streetlights. The air was heavy with the human smell of the old and overpopulated city. I had never felt so deeply disoriented. Mother came into my thoughts. My need for her was sudden, bottomless and unendurable" [21, с. 129]. / Мы приземлились в Каире ранним утром. Мокрое шоссе блестело при свете уличных фонарей. В воздухе чувствовался запах старого и многолюдного города. Никогда раньше я не чувствовал себя столь потерянным. Я вспомнил мать, и моя потребность в ней оказалась столь внезапной, безграничной и невыносимой. /

Здесь также ΠYTb вызывает мотив безграничной тоски и потерянности. Стилистический приём градации sudden, bottomless, unendurable усиливает эффект, завершая чувственное восприятие действительности после зрительных ощущений ($shone\ under\ the\ streetlights$) и ощущений запахов ($heavy\ with\ the\ human\ smell\ of\ the\ old$).

Образ музыки в анализируемых романах играет важную роль в построении концепта *ПУТЬ*, а также вызывает дополнительные смыслы и мотивы. Американская писательница с палестино-иорданскими корнями Diana Abu-Jaber в своём романе "Arabian Jazz" (1993) очень красочно показала сосуществование арабской и американской культур со всеми хитросплетениями

и конфликтами интересов. Для главного героя музыка является главным звеном между окружающей реальностью и душевными переживаниями. Музыкальная игра утешает и помогает двигаться дальше по дороге жизни: "He had become increasingly bemused over the years, wandering into abstraction, traveling in and out of conversations like a visitor to foreign places. Only at his drums did he seem to focus, concentrate with the purpose of remembering, steering rhythms into line, coaxing a steady-in his word, peripatetic-pulse out of air" [16, с. 1]. / С годами он стал более рассеянным, участвовал в разговорах примерно так же, как иностранец участвует в жизни чужих стран, не вдаваясь в детали, то слушая, то предаваясь своим мыслям. Концентрация и внимание к нему приходили только за игрой в барабаны, заставляя запоминать мелодию и находить постоянный ритм, но в тоже самое время живой и созвучный с биением сердца и жизни. /

Общая растерянность из-за потери жены много лет назад выражается метафорическим употреблением глагола «путешествовать» (traveling in and out of conversations) и сравнением с человеком на чужбине (like a visitor to foreign places), в то время как музыка даёт внутренний ориентир и служит компасом в безграничном пространстве иного и незнакомого. Музыка для главного героя служит средством гармонизации, помогающим примириться с постоянным ощущением дисбаланса. Автор через внутренний мир персонажа даёт понимание жизни без чётких границ и ориентиров, с постоянным движением и изменениями. Противоположные по своему значению слова (steady, peripatetic / постоянный, странствующий) здесь выступают контекстуальными синонимами, дополняющими друг друга и отлично передающими состояние нестабильности и лиминальности. Барабан помогает анализировать моменты прошлого и настоящего, а также обладает паллиативным психотерапевтическим эффектом: "His body had ached for the feel of the sticks, the drumheads answering his every move. And the ache for the instrument was like the ache for his lover's body. In the light of the Old Country, place of his wife's death, he saw things clearly, fresh, for the first time in years... His memories had run too **sweet**; they needed the **bitterness** of earth to temper them, and **the** *clarity of the present, of music, to bring out new life*" [16, с. 353]. / Он на физическом уровне жаждал прикоснуться к барабанным палочкам, точно к возлюбленной. В домашней обстановке, там, где умерла его жена, он впервые взглянул на вещи свежим взглядом... Его воспоминания по прошествии многих лет становились слишком далёкими от реальности. Музыка привнесла остроту и ясность в его жизнь, в которой до этого были лишь призрачные и сладкие грёзы. /

Потребность в музыке подобна потребности в любви, что и выражено стилистическим приёмом сравнения. Употребление слова ache в качестве существительного и глагола придаёт отрывку эмоциональность, а антонимичность (sweet-bitterness, old-new /сладкий-горечь, старый-новый) и контекстуальная синонимия (clarity-present-new / ясность-настоящее-сейчас) создают некий душевный рубеж, или границу, которую пересекает главный герой, чтобы спастись от боли и одиночества и обрести понимание окружающей его действительности, осознать свои чувства и принять настоящее в полной мере, каким бы оно ни было, в отличие от постоянного погружения в себя, свои воспоминания и иллюзии ("his memories had run too sweet" / его воспоминания стали слишком прекрасными и далёкими от реальности). Барабан, барабанные палочки и ритм являются символами сердца, дыхания, реальной жизни во всех её проявлениях, о чём свидетельствуют текстовые ключи (ache, bitterness, clarity, pulse, air).

Музыкальные образы отчётливо выделяются и в произведении начала XX века Амина ар-Рейхани "The Book of Khalid": "They drank the wine of the Jesuits, repeated to the mellow strains of the lute, the song of the bulbuls, intoned the verses of Al-Mutanabi..." [22, с. 34]. / Они пили вино иезуитов, подпевали сладкоголосым струнам лютни и вторили поэтическим строкам Аль-Мутанабби. /

Синонимичные глаголы repeated и intoned вместе с перечислением (mellow strains of the lute, the song of the bulbuls, the verses of Al-Mutanabi) являются мотивами радости и вдохновения во время путешествия главных героев. "But suddenly he braces up, runs down for his lute, and begins to serenade – Greater New York?" [22, с. 38]. / Встряхнувшись, он бежит к своей лютне и заводит похвальную серенаду Нью-Йорку. /Музыка входит в концепт ПУТЬ, являясь важной составляющей внутреннего мира главного героя, с ней он отправляется в путь и прибывает в место назначения (New York): "...happiness like a bride, issues from all these, and, touching the strings of Khalid's lute, mantles us with

song" / счастье, как невеста, источает свет из всего и, тронув струны лютни Халида, обволакивает нас песней [22, с. 47]; "Yes, our modern Jeremiahs should all take music lessons; for no matter how deep and poignant our sorrows, we can always rise from them, harp in hand, to an ecstasy, joyous and divine" [22, с. 58]. / Да, наши современные Иеремии должны брать уроки музыки, не важно насколько пронзительны и глубоки наши страдания, мы всегда можем возвыситься над ними и вознестись с арфой к наивысшему и радостному блаженству. /

Семантические текстовые ключи мотива музыки определяют тональность и настроение: mellow strains of the lute (сладкие мелодии лютни) семантически приравнены к the songs of the bulbuls (соловьиные трели) и являются частью одного контекстуального поля, куда также входят слова to serenade, to mantle, happiness, ecstasy, joyous and divine / воспевать, обволакивать, счастье, восторг, радостный и божественный. Лютня является символом гармонии с природой и Божественного начала, что в тексте выражено ключевыми словами bulbuls, ecstasy, divine. Здесь есть схожий с предыдущим отрывком мотив грусти и тоски совместно с музыкой, но так как контекст совершенно иной, то прежде всего выделяются мотивы счастья, радости и благозвучия. Музыка в произведениях арабо-американской литературы первой половины XX века была философским и культурным символом, сопровождающим героя на протяжении всей его жизни. В современных произведениях образ музыки является также важной смысловой доминантой, анализ которой даёт ключ к пониманию идентичности в мультикультурном аспекте.

6. Заключение

Изучение и анализ мультикультурной литературы предполагает выбор методологии, способной объединить произведения различных авторов, течений и направлений, с целью выявить единый культурно-языковой фон. Так, совершенно разные по тематике и тональности произведения начала XX века (Джебрана Халиля Джебрана и Амина ар-Рейхани) и начала XXI века (Лайла Лалами, Хишам Матар, Диана Абу-Джабер) имеют ряд сходств, требующих не только лингвостилистического, но и лингволитературного подхода. На примере основополагающего концепта ПУТЬ в произведениях начала XX века и XXI века, а также образов и мотивов, составляющих его, была сделана попытка выявить некоторые сходства и различия, чтобы вскрыть более глубокий психологический пласт эмигрантской и мультикультурной литературы. За мотив был взят дискурсообразующий элемент, стилистически и контекстуально насыщенная единица, не всегда выраженная эксплицитно, но пронизывающая текст и проявляющаяся в виде смысловых пучков. В проанализированных отрывках произведений это были мотивы-чувства, которые эмоционально насыщали основные образы и участвовали в их раскрытии с психологической точки зрения. Рассмотрение образов и концепта в диахронии позволяет увидеть изменения в тональности мотивов. Появляются более мрачные оттенки в образе природы и мотивах. Образ природы перешёл из эстетико-эмотивной сферы в психоэмоциональную сферу, реализующую страхи и боль главных героев. Образ музыки тоже претерпевает изменения, становясь выражением душевной и психологической раны, но в то же время и средством к исцелению и принятию действительности. При анализе художественной литературы рассмотрение триады «концепт - образ - мотив» является продуктивным при различных интерпретациях: лингвистических, культурологических, социальных и психологических.

Изменение содержания концепта, образов и мотивов в литературном и языковом планах можно объяснить сменой литературных стилей и социально-культурных тенденций. Однако немаловажным фактором может быть желание и потребность быть услышанным и понятым на фоне негативной политической риторики в отношении арабских стран. Дети эмигрантов вовлечены в процесс осмысления сложного социального, политического и культурного контекста не меньше, а может быть, и больше, чем их родители: они родились и выучились в США, хорошо понимают основные тенденции, которые стоят за конкретными политическими событиями в этой стране, в то же самое время они не утратили связь с культурой и традициями своих родителей, поэтому способны посмотреть на вещи через призму другой культуры. Противоречивые чувства, возни-

кающие в процессе наблюдения и анализа, находят своё отражение в творчестве. Литературные художественные произведения, описывающие непростой этнокультурный опыт, проливают свет на чувства людей, которые находятся на перекрестке двух миров – восточного и западного.

© Дубовицкая М.А., 2021

Список литературы

- 1. Арутюнова Н. А. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н. А. Арутюнова /М.: RES PHILOLOGICA Филологические исследования. М.: Наука, 1990 С.76
- 2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
- 3. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64-72.
- 4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы / Б. М. Гаспаров. М.: Наука, 1994. 304 с.
- 5. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» ,РАН, 1999. 198 с.
- 6. Дубовицкая М. А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности (на материале арабо-американской литературы): диссертация ... кандидата филологических наук / М.А. Дубовицкая. Москва, 2018. 162 с.
- 7. Жолковский А.К., Щеглов Ю. К., Работы по поэтике выразительности: Инварианты–Тема–Приемы–Текст. / Предисл. М.Л. Гаспарова. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. 344с.
- 8. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. / Э. Кассирер. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
- 9. Микешина Л. А. Новые образы познания и реальности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-011-mikeshina-l-a-openkov-m-yu-novye-obrazy-poznaniya-i-realnosti-m-rossiyskaya-politicheskaya-entsiklopediya-rosspen-1997-240-s/viewer (дата обращения: 19.02.2021).
- 10. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов// Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Ленинград: Наука, 1984. С. 221–229.
- 11. Палиевский П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. М.: Советская Россия, 1979. 288 с.
- 12. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. Ленинград: Academia, 1928. 152 с.
- 13. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
- 14. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: [Текст] : избранные труды по теории литературы / Б. И. Ярно ; подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общ. ред. М. И. Шапира. М.: Яз. славян. культур, 2006. XXXI, 926 с.
- 15. Abu-Jaber D. Netting the Clouds [Electronic resource] / D. Abu-Jaber. URL: https://kr.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/75/2017/04/Multicultural.pdf 42-46 pp. (Accessed 9 January 2021).
- 16. Abu-Jaber D. Arabian Jazz / D. Abu-Jaber. New York: A Harvest Book, 1994. 374 p.
- 17. Du Bois W. E. B. The Souls of Black Folk. London / W. E. B. Du Bois. London: Longmans, Green and Co. Ltd., 1965. 170 p.
- 18. Gibran K. Jesus the son of man / K. Gibran. London: Penguin books, 1997. 224 p.
- 19. Lalami L. Hope and Other Dangerous Pursuits / L. Lalami. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 2005. 197 p.
- 20. Matar H. In the country of men / H. Matar. New York: The Dial Press, 2007. 246 p.
- 21. Matar H. Anatomy of Disappearance / H. Matar. New York: The Dial Press, 2011. 224 p.
- 22. Rihani A. The book of Khalid / A. Rihani. New York: Melville House Publishing, 2012. 325 p.
- 23. Turner V. Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols. / E. Turner. Tucson: Tuscon & London: The University of Arizona Press, 1992. 181 p.

References

- 1. Arutiunova, N. A. Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul'tury [Image, Metaphor, Symbol in the Context of Life and Culture] / N. A. Arutiunova /M.: RES PHILOLOGICA Filologicheskie issledovaniia. M.: Nauka, 1990 S.76
- 2. Veselovskii, A. N. Istoricheskaia poetika [Historical Poetics] / A. N. Veselovskii. M.: Vyssh. shk., 1989. 405 s.
- 3. Vorkachev, S. G. Lingvokul'turologiia, iazykovaia lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v iazykoznanii [Cultural Linguistics, Linguistic Personality, Concept: The Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics] // Filologicheskie nauki. 2001. №1. S. 64-72.
- 4. Gasparov, B. M. Literaturnye leitmotivy [Literary Leitmotifs] / B. M. Gasparov. M.: Nauka, 1994. 304 s.
- 5. Gennep, A. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov* [Rites of passage. The Systematic Study of Rites] / A. Gennep. M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1999. 198 s.
- 6. Dubovitskaia, M. A. Kross-kul'turnaia kontseptualizatsiia inoiazychnoi mental'nosti (na materiale arabo-amerikanskoi literatury): dissertatsiia ... kandidata filologicheskih nauk / M.A. Dubovitskaia. Moskva, 2018. 162 s. [Cross-cultural conceptualization of a foreign language mentality (based on the material of Arab-American literature)]: dissertation...PhD in Philology / M.A. Dubovitskaia

- 7. Zholkovskii, A. K., Shcheglov, Iu. K. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty–Tema–Priemy–Tekst* [Works on the Poetics of Expressiveness: Invariants–Theme–Means–Text] / Predisl. M.L. Gasparova. M.: AO Izdatelskaia gruppa "Progress", 1996. 344 s.
- 8. Kassirer, E. *Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiiu chelovecheskoi kul'tury* [Experience about a Person. Introduction to the Philosophy of Human Culture] / E. Kassirer, M.: Gardarika, 1998. 784 s.
- 9. Mikeshina, L. A. Novye obrazy poznaniia i real'nosti [New Images of Knowledge and Reality], cyberleninka.ru/article/n/98-03-011-mikeshina-l-a-openkov-m-yu-novye-obrazy-poznaniya-i-realnosti-m-rossiyskaya-politicheskaya-entsiklopediya-rosspen-1997-240-s/viewer (accessed: 19.02.2021).
- 10. Nekliudov, S. Iu. O nekotorykh aspektakh issledovaniia fol'klornykh motivov [On Some Aspects of the Study of Folklore Motives // Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origin of Folklore Plots and Images] // Fol'klor i etnografia: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov. Leningrad: Nauka, 1984. S. 221–229.
- 11. Palievskii, P. V. Literatura i teoriia [Literature and Theory] / P. V. Palievskii. M.: Sovetskaia Rossiia, 1979. 288 s.
- 12. Propp, V. Ia. Morfologiia skazki [Morphology of the Tale] / V. Ia. Propp. Leningrad: Academia, 1928. 152 s.
- 13. Halizev, V. E. Teoriia literatury [Theory of Literature] / V. E. Halizev. M.: Vysshaia shkola, 2004. 405 s.
- 14. Iarho, B.I. *Metodologiia tochnogo literaturovedeniia: [Tekst]: izbrannye trudy po teorii literatury* [Methodology of Exact Criticism: [Text]: Selected Works on the Theory of Literature] / B. I. Iarno; podgot. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir; pod obshch. red. M. I. Shapira. M.: Iaz. slavian. kul'tur, 2006. XXXI, 926 s.
- 15. Abu-Jaber D. Netting the Clouds [Electronic resource] / D. Abu-Jaber, kr.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/75/2017/04/ Multicultural.pdf 42-46 pp. (Accessed 9 January 2021).
- 16. Abu-Jaber, D. Arabian Jazz / D. Abu-Jaber. New York: A Harvest Book, 1994. 374 p.
- 17. Du Bois, W. E. B. The Souls of Black Folk. London / W. E. B. Du Bois. London: Longmans, Green and Co. Ltd., 1965. 170 p.
- 18. Gibran, K. Jesus the son of man / K. Gibran. London: Penguin books, 1997. 224 p.
- 19. Lalami, L. Hope and Other Dangerous Pursuits / L. Lalami. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 2005. 197 p.
- 20. Matar, H. In the country of men / H. Matar. New York: The dial press, 2007. 246 p.
- 21. Matar, H. Anatomy of Disappearance / H. Matar. New York: The Dial Press, 2011. 224 p.
- 22. Rihani, A. The book of Khalid / A. Rihani. New York: Melville House Publishing, 2012. 325 p.
- 23. Turner, V. *Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols.* / E. Turner. Tucson: Tuscon & London: The University of Arizona Press, 1992. 181 p.

Сведения об авторе:

Дубовицкая Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: кросс-культурная литература, художественный литературный дискурс, идентичность и язык.

E-mail: clouddancing@mail.ru

About the author:

Dubovitskaya Maria Anatolievna — Candidate of Sc., Associate Professor at English Department №3 at MGIMO. Research interests: cross-cultural literature, literature, identity and language. E-mail: clouddancing@mail.ru

* * >